

Эта пустая страница добавлена для облегчения просмотра в режиме Facing Pages (разворот), который дает наиболее полное представление о том, как выглядит печатная версия.

**Александр
Мещеряков**

**Япония,
данная нам
в символах,
флоре
и фауне,
людях и
ощущениях**

В предыдущем номере «ВК» (№ 1/2002) опубликована первая часть этой работы.

Александр Николаевич Мещеряков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Сосна

В культуре каждого народа растения занимают очень значительное место. Это тем более справедливо по отношению к Японии, культуру которой можно определить как фитонимическую, поскольку Япония – это страна земледельцев, а не скотоводов. В связи с этим японцы гораздо больше внимания уделяли растениям, чем животным, что придает японской культуре несколько стерильный и «вегетарианский» колорит. Следует также отметить, что восплаемые японцами растения лишены, как правило, прак-

тической компоненты — в большинстве случаев их нельзя употреблять в пищу, т.е. их образы имеют только символический и эстетический смысл.

Всякий, наверное, видел на японских картинах и картинках изображение сосны. Искалеченная ветрами, с кривым узловатым стволом, она стала одним из символов Японии как в глазах обитателя западных стран, так и для самих японцев. Сосна — это такой человек, который несмотря на все климатическо-природные неурядицы (тайфуны, землетрясения, извержения вулканов) и превратности судьбы, имеет силу и мужество, чтобы не покориться. Кроме того, в отличие от сакуры, вечнозеленая сосна — это символ постоянства и долголетия.

Однако столь привычный ныне пейзаж с вросшей в скалу сосной является достоянием не столь уж давнего (если мерить историю на тысячелетия) времени.

Данные палеоботаники показывают, что в глубокой древности, еще до того, как началось активное воздействие человека на окружающую среду, территория архипелага была покрыта по преимуществу вечнозелеными широколиственными лесами. Повсеместное распространение сосны и других хвойных пород, пришедших на смену ши-

харных печах, что привело к вырубанию широколиственных лесов с последующим внедрением хвойных. Таким образом, «типично японский» пейзаж с обилием хвойных пород, столь богато представленными в искусстве и литературе этой страны, является лесом вторичным, то есть данностью сравнительно недавнего времени.

Тем не менее, вместе с появлением в реальном пейзаже, сосна становится одним из важнейших символов в японской культуре. Причем, в отличие от большинства поэтически значимых видов растений, сосна не сопрягается ни с одним из сезонов года — она «выше» этого, поскольку зелена всегда. В связи с этим песни, посвященные сосне, часто слагались по поводу юбилеев. Упоминание в здравнице вечнозеленой сосны должно было продлить жизнь юбиляра.

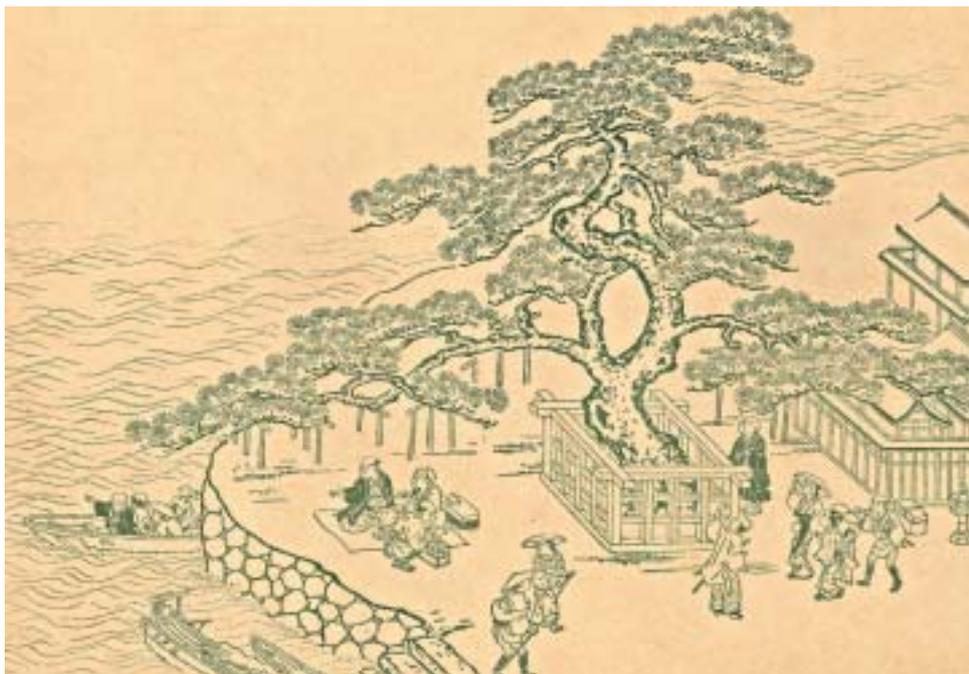
Уже в поэтической антологии второй половины VIII в. «Манъёсю» («Собрание десяти тысяч поколений» или, в более привычном переводе, «Собрание мириад листьев») сосна присутствует в 81 стихотворении (всего же там представлено около 4500). Антология «Кокинсю» продолжает эту же традицию. Весьма часто сосна упоминается вместе с журавлем — другим символом долголетия и удачи.

роколиственным лесам, начинается в юго-западной Японии 2000 лет назад, в центральной Японии — 1500 лет назад и в северо-восточной Японии — 800–700 лет назад. Это соответствует последовательности распространения на территории Японии интенсивного земледелия, а также сопутствующему ему производству металла и керамики с высокотемпературным обжигом в гон-

*Журавль / С тысячелетней сосной, /
Что приносят тебе поздравления, / Знают,
как хотела бы вечно / Жить под сенью твоих
милостей!* (Перевод А.А. Долина).

Японских поэтов привлекал в сосне и фонетический аспект. Дело в том, что по-японски слово *мацу* означает не только существительное «сосна», но и глагол «ждать». Японцы вообще любили играть с омонима-

ми. Это позволяло создавать стихи «с двойным дном», когда стихотворение можно было трактовать по-разному. Приведу пример из X в., когда почти все стихотворение состоит из одних омонимов:

*Кону хито-во
мацу-но ха-ни фуру
сираюки-но
киэ косо кахэра
авану омохи-ни*

В этом стихотворении мы встречаемся со следующими случаями омонимии. «Мацу-но ха» — «иглы сосен», «мацу» — «ждать»; «фуру» — «падать» (о снеге) и «стареть»; «киэ» — «таять» и «умирать»; «хи» в слове «омохи» («любовь») означает еще и «огонь». Приблизительный пересказ стихотворения (перевод здесь невозможен) выглядит следующим образом: «Того, кто не приходит, жду и старею. На иглы сосен падает белый снег — тает. Растаю-скончаюсь, не встретившись с тобой, от жара любви».

Наиболее концентрированное выражение жизнеутверждающая сосна получает в обрядности Нового года. Я имею в виду новогоднее украшение, которое называется *кадомацу*, т.е. «сосна перед воротами дома». Начало этого обычая относится к концу эпохи Хэйан. Хозяева отправлялись в горы и выкапывали (срубали) молоденькие сосенки.

Считалось, что на вершину выставленной перед домом сосенки спускается божество наступающего года — синтоистские божества имели обыкновение «усаживаться» на не-

который вертикально стоящий природный объект. Это могла быть и гора (или же ее заменитель — камень), и вершина дерева. Для божества выставлялись приношения: круглые рисовые лепешки моти, сакэ, хурма, сушеная и соленая рыба. На новый год в Японии до сих пор принято есть тресковую икру: поедание зародышей должно принести в новом году плодородие и плодовитость.

Хотя привычка ставить новогоднюю сосну впервые отмечается в Китае, в Японии этот обычай получил широчайшее распространение. С течением времени сосенка трансформировалась в сосновые ветки, к ним стали добавлять побеги бамбука, который особенно ценился за свою стойкость перед ветрами (в этом смысле он не отличается от сосны) и за сверхбыстрый рост, т.е. за необходимую в новом году жизненную энергию. Еще позже, в эпоху Эдо, в этот «букет» вошли и ветки сливы, которые символизировали наступление весны (японская слива зацветает еще тогда, когда существует реальная опасность выпадения снега). Это сочетание — сосна, бамбук и слива — и составляет классическую новогоднюю триаду. Букет, называемый *кадомацу*, принято вывешивать на дверях дома и сегодня.

Новый год всегда был в Японии праздником сугубо семейным. Считалось, что в последнюю ночь нового года в дом возвращаются души предков, которых члены семьи обязаны почтить. Поэтому и присутствие в доме посторонних в эту ночь строго-настрого запрещалось.

Через несколько дней после наступления нового года кадомацу полагалось сжигать, поскольку к этому времени божество нового года уже возвратилось в место своего постоянного пребывания, т.е. в горы.

В отличие от некоторых других растений сосна пользовалась особой любовью японцев всегда — она никогда не теряла своих игл и затмить ее не могли никакие новомодные веяния. С некоторым брюзжанием знаменитый литератор Мацуо Басё (1644–1694) отмечал в 1691 году, что нынче растения культурные — пионы и хризантемы — затмили невзрачные полевые цветочки, все любят плоды хурмы и мандарина, а о ветвях и листьях — позабыли... Но недовольство Басё мгновенно исчезает, как только он заводит речь о сосне: «Одна лишь сосна великолепна и после того, как на ветки ее ляжет иней, во все времена года зелена ее хвоя, и при этом в каждое время года она хороша по-своему». Бо Лэтянь сказал: «Сосна удаляет из себя старое, потому и живет тысячу лет». Она не только улаживает и утешает взор своего хозяина, но и питает дух долголетия и крепости, потому-то, наверное, и поминают ее, желая долгой жизни». (Перевод Т.А. Соколовой-Делюсиной).

Бамбук

Видов бамбука насчитывается более двухсот. Несмотря на то, что высота некоторых видов достигает сорока метров, ботаники относят его к злакам. Самый распространенный в Японии вид бамбука вырастает до десяти метров. Он распространен по всей территории архипелага за исключением самого севера Хоккайдо.

Бамбук — растение удивительное. Он растет с исключительной скоростью. Весной молодые побеги могут прибавлять в росте до одного метра в день! Бамбук достигает своего «взрослого» роста через три месяца. И за оставшиеся 15–20 лет жизни не вырастает больше ни на сантиметр.

Молодые побеги до сих пор считаются деликатесом на всем Дальнем Востоке. В нынешнюю эпоху, когда почти любой фрукт или овощ можно выращивать в теплицах круглый год, свежий бамбук по-прежнему можно отведать только весной — пока стебель его не загрубел. Но вот в Китае весенний бамбук использовался и для совсем иных целей: осужденного на казнь клали на ростки, и они «прошивали» его тело насквозь. За менее значительные преступления наказывали ударами бамбуковых палок.

В бамбуковом лесу все деревья зацветают одновременно — вне зависимости от возрас-

та. Причем делают они это чрезвычайно редко — один раз в восемьдесят или даже сто лет. Так что большинство растений умирает, так и не дождавшись цветения. После цветения надземная часть бамбука засыхает и отмирает (поэтому считалось, что цветение бамбука — к несчастью). Но корни остаются живыми и дают новые мощные побеги.

Взрослый бамбук славен еще тем, что его корни чрезвычайно хорошо скрепляют землю. Поэтому его высаживают по берегам рек и на склонах гор, чтобы уберечься от оползней, что особенно актуально в сейсмичной Японии. Бамбук гнется, но сломать его очень трудно. За стойкость в противостоянии ветрам бамбук стали считать олицетворением несгибаемости.

Бамбук издавна был овеян легендами. «Повесть о бамбукосеке» (или, как она называется в русском переводе, «Повесть о старике Такэтори» — «Такэтори-моногатори») — одно из первых произведений япон-

ской художественной литературы (X в.), рассказывает о чудесной принцессе Кагуя-химэ («Сияющая»), рожденной в стволе бамбука. Став взрослой, Кагуя-химэ отвергает множество женихов, а затем возвращается к себе домой — на луну. В общем, бамбук ассоциируется с прекрасным, порождает его.

Правда, существуют и другие объяснения смысла легенды. Так, гинеколог Судзуки Сюэцу настаивает на том, что полый бамбук — это не что иное, как женское лоно, порождающее чудесную красавицу. Ничего не ска-

жешь — здорово придумано! Старик Фрейд обрадовался бы...

Нужно, правда, сказать, что бамбуковая роща действительно имеет отношение к плодородию. В бамбуковой роще всегда царит полумрак — так тесно растут его стволы. Словно прижавшиеся друг к другу влюбленные. Вот что рассказывается в «Кодзики» об одном из любовных приключений государя Юряку, который жил и правил в древней Японии (вероятно, в V в. н.э.):

«Государь Юряку проследовал к Вакакусакабэ-но Оокими и подарил ей собаку, велел передать ей так: «Эту диковинную вещь я обрел сегодня на дороге. Это — свадебный подарок». Сказав так, подарил... Отправился во дворец, по пути туда взобрался на гору и спел так:

В горных долинах, / Здесь и там, / Между горами в Кусакабэ / На этой стороне / И горами в Хэгури, / Стоит развесистый дуб / С широкими листьями. / Под ним ствол к стволу / Растет бамбук. / А вверху растет / Буйный бамбук. / Ствол к стволу — /

Мы не спали так. / Буйный бамбук — / Мы не спали так хорошо. / Но потом будем близко спать, / Любимая жена!

Бамбук хорош тем, что он легок, крепок, не впитывает влагу и потому изделия из него не гниют во влажном японском климате. Кроме того, он легко и аккуратно колется на узенькие дощечки. Поэтому его широко использовали в строительстве и изготавливали очень многие вещи: корзины, короба, вазы, шкатулки, удочки, шторы, флейты, стрелы, венчики

для взбивания, игрушки, куклы, птички клетки и даже ухочистки. И еще многое, многое другое. В Японии есть магазины, которые торгуют исключительно изделиями из бамбука.

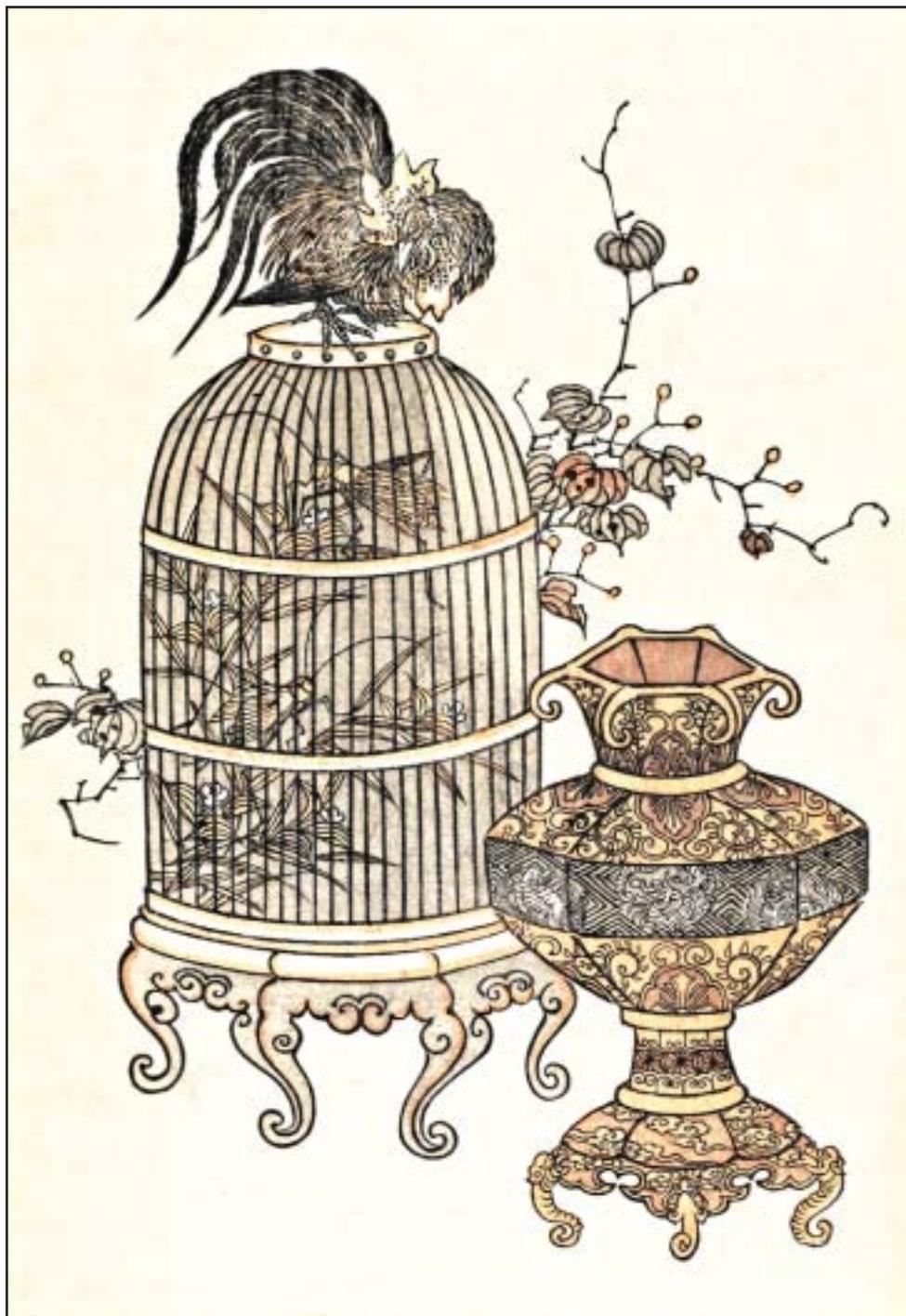
Бамбук — растение священное. В Японии есть синтоистские святилища, в которых почитается именно бамбук. А согласно усвоенной в Японии древней китайской легенде, в 7-й день 7-й луны происходит встреча Волопаса и Ткачихи (звезды Вега и Альтаир), которые весь остальной год разлучены Небесной Рекой (Млечным Путем). Во время этого праздника полагается писать свои молитвы божествам на узких полосках бумаги и привязывать их к веткам бамбука.

Сверчки

У европейского человека вообще, а у русского — в частности, насекомые, как правило, не вызывают положительных эмоций. Есть, конечно, и исключения — муравей, например, или кузнечик. Бывает еще и божья коровка. Но при виде множества других «тварей», проходящих под общим названием тараканов и мошек (настоящих-то слов для обозначения каждой из этих малостей мы и не знаем), нас одолевает чувство непреодолимой брезгливости. Пение сверчка мы слушаем не без удовольствия, но вот любоваться его членистоногостью... Нет уж, увольте.

А что японцы? Ну вот, например, гусеница-бабочка под названием мешочница. Никакого поэтического смысла в русской культуре не имеет, и в художественных текстах мешочницу искать бесполезно. Даже всезнающий Даль ничего о мешочнице не сообщает. Из более поздних и популярных источников информации сведения о ней доступны в БСЭ, где сообщается: «Ок. 400 видов; распространены по всему земному шару. У самцов крылья развиты хорошо; самки бескрылые, червеобразные. Взрослые формы не питаются. Гусеницы плетут чехлики, захватывая мелкие кусочки дерева, веточки и травинки. Питаются гусеницы листьями. В чехлике гусеницы окукливаются. Самки бабочки всю жизнь проводят в чехлике, яйца откладывают на его внутреннюю стенку». Точка, разговор окончен.

Что сообщает о мешочнице Мацуо Басё? Рассуждая о своих друзьях — поэте Собо и художнике Тёко, которые в своих произведениях почтили своим вниманием мешочницу, — Басё, любясь картиной Тёко, впадает в сладостную задумчивость и заключает: «Если взглядеться... гусеницы будто зашевелились тихонько, покажется вдруг — вот сейчас упадет желтый листок... Прислушаешься, ухо настоит: различить голоса гусениц, шелест

прохладного осеннего ветра... Обрести покой в тишине скромной хижины, удостоиться благосклонного внимания этих двух людей, пожалуй, и мне повезло не меньше, чем этим славным гусеницам». (Перевод Т.А. Соколовой-Делюсиной). К этому пассажиру могу добавить только одно: гусеницы, разумеется, никаких звуков не издают (слышу облегченный вздох читателя, усомнившегося было в своем знании школьной программы по биологии), а голос дает им

фольклорное воображение — мешочницы сооружают свой мешок именно в то время, когда сотрясают воздух голоса цикад.

Для нас все издающие какие-то звуки насекомые «поют». И цикады, и сверчки (кузнечики, правда, в виде исключения стрекозчат). Для японца же каждое из таких насекомых издает свой неповторимый звук, который отражается и в человеческом языке. Сверчок японский (*судзумуси*) говорит

«рин-рин», сверчок мраморный (*мацумуси*) — «тинтирорин-тинтирорин», сверчок повязчатый (*короги*) — «корокорокоро, рир-ри-ри», просто кузнечик (*киригирису*) — «тёнгису-тёнгису», кузнечик одноцветный (*умаои*) — «суйтё-суйтё». Ну, и так далее. И о каждом из них подробно написано в школьном учебнике. И каждый — нарисован. И про каждого из этих насекомых вполне научный толковый словарь не преминет сообщить: «Данное насекомое обладает очень красивым голосом», что в изданиях такого рода у нас писать совершенно не принято.

На окраине Киото есть замечательный храм Судзумуси-дэра — Сверчковый храм. Знаменит он тем, что сверчки там поют круглый год, а не только поздним летом или осенью, как им то положено природой. Для круглогодичного пения их содержат при определенной температуре в пяти плексигласовых прозрачных «аквариумах», выставленных в зале для проповедей. Толпы народа приходят туда и слушают проповедника под чудесное и неумолчное пение сверчков. И при этом имеют еще возможность наслаждаться их видом.

Я был в этом храме с несколькими своими знакомыми из России — каждый из них старался в сторону этих двадцатисантиметровых «тварей» не смотреть. На улице шел густой снег.

О чем же говорил проповедник в тот достопамятный зимний день? Помимо общепринятых наставлений в том, что надо быть добрым и никого не обижать, проповедник сообщил также, что каменная статуя бодхисаттвы Дзидзо, которая стоит перед входом в храм, — уникальна. Уникальна она потому, что к человеку, который встал перед ней, шепотом назвал свое имя, адрес местожительства и одно-единственное заветное желание, этот Дзидзо непременно направится в своих соломенных сандалиях и желание исполнит. Далее проповедник сообщил наиболее культурно значимое: «Если же вы переехали на другое место до того, как

Дзидзо успел исполнить вашу молитву, следует сообщить о перемене адреса письмом, отправив его в наш храм. Сообщение можно прислать и факсом».

«Вот уж замечательно! — подумал я. — Я действительно нахожусь в Японии. Христианский Бог таков, что прятаться от него не имеет никакого смысла: Он всегда видит и слышит тебя. Будды и бодхисаттвы тоже в теории поступают так же. Но, попав в Японию, они стали обычными синтоистскими божками, которые по своим свойствам и характеру отличаются от человека не так уж и сильно. Надо же, Дзидзо твой новый адрес узнать не может, заблудится! Очень трогательно. Так же трогательны и эти сверчки с восторженно глазающими на них людьми. Еще бы! Зима, снег и вдруг этот осенний сверчковый хор...»

Японские поэты частенько вставляли сверчков и им подобных в стихи. И если в период зарождения письменной поэзии их взгляд выделял из пространства самую разную живность, то потом стихотворцы

все больше начинают смотреть под ноги и фокусируются на малом. Стихи о сверчках — всегда печальны. Потому что пение сверчка означает, что кончается лето и наступает осень. Приведем наудачу несколько стихотворений, в которых сверчки и человек поют почти что в унисон.

Слышу: в саду,/ В намокнутой / Траве,/ плачет сверчок./ Вот и осень пришла.

(Антология «Манъёсю», VIII в.)

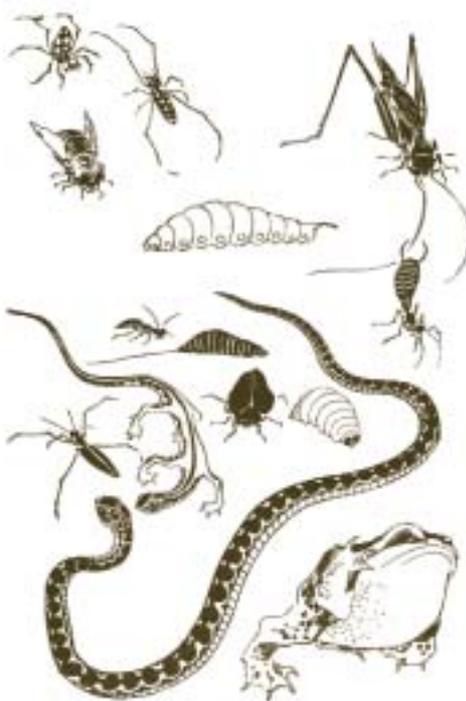
Не для меня / Пришла осенняя пора./ Но вот запел сверчок / И прежде всех / Печально стало мне.

(Антология «Кокинсю», X в.)

Печально / Осеннее прощание.../ Не мною же его,/ Сверчок,/ Не плачь в полях.

(«Повесть о Гэндзи», XI в.)

В этих стихах упоминаются разные виды сверчков, но ввиду полной невозможности употребить в русском поэтическом переводе что-нибудь вроде «сверчка повязчатого» переводчику приходится ограничиваться сверчком самым обыкновенным...

**Кавабата
Ясунари**

Цикада и сверчок

Я прошел вдоль кирпичной ограды университета и уперся в здание школы. Ее двор был окружен забором из белого штакетника. Из пожухлой травы под темной кроной отцветшей сакуры слышалось стрекотание. Я чуть замедлил шаг, стал вслушиваться. Желя продлить пение, я пошел вдоль забора, повернул направо, потом налево. За забором была насыпь, обсаженная апельсино-

выми деревьями. Дошел до конца насыпи и тут уже заторопился, глаза заблестели: у прямоугольного основания насыпи переливались-танцевали разноцветные бумажные фонарики — настоящий праздник в какой-нибудь глухой деревне. Еще не дойдя до них, я понял, что дети ловят на насыпи цикад.

Фонариков было около двух десятков. Там были и красные, и зеленые, и желтые. Один был склеен из бумаги пяти цветов. Другой, маленький ярко-красный фонарик, был явно фабричной работы. Остальные же — простенькие, прямоугольные и прелестные — ребята явно смастерили сами. Для того, чтобы на этой никому не нужной насыпи собралось два десятка ребятшек с их чудесными фонариками, должно было случиться что-то чудесное.

Ну вот, например...Как-то вечером один мальчик услышал, как на насыпи поют цикады. Он купил в лавке красный фонарик и на следующий вечер стал искать их. На следующий день к нему присоединился еще один. У него не было денег, чтобы купить фонарик. Поэтому он взял картонную коробочку, вырезал ножницами в стенках отверстия, вклеил тонкую бумагу. Потом укрепил на дне свечку, подвесил за веревку. Фонарик был готов.

И вот детей стало уже пятеро, потом — семеро. Теперь они догадались, что на бумаге можно рисовать цветные картинки. Потом наши художники сообразили, что в стенках коробки можно прорезать кружочки, треугольнички, листики и даже иероглифы своих имен, заклеивать оконца разноцветными бумажками, которые они окрашивали то в красный, то в зеленый, то ли еще в какой цвет. Получалось красиво. И вот ребяташки, которые купили в лавке фабричные красные фонарики, выкинули их на свалку, выкинули свои простецкие самоделки и другие дети. Всем казалось, что вчерашний фонарик сегодня уже никуда не годится, и тогда коробка, бумага, кисточка, ножницы, ножичек и клей снова пошли в дело — ведь нужно было соорудить ни на что не похожую вещь! Самый непохожий фонарик! Самый красивый! Вот с такими фонариками и собирались дети на свою охоту...

Вот так я представил себе историю этих детей на насыпи.

Я стоял неподвижно, уставившись на детей. Прямоугольные фонарики были изукрашены рисунками из старых книг. Это были не только цветы, имена склеивших их ребяташек тоже красовались на фонариках. Ёсихико, Аяко... Нет, это бы-

ли особые фонарики, не те, что продаются в магазине. Поскольку их стенки были сделаны из картона, а отверстия заклеены тонкой разрисованной бумагой, свет пробивался только в эти окошки. Два десятка разноцветных пятен падали на землю. Дети сидели на корточках и прислушивались к цикадам, которые собирали их вместе.

«Вот цикада! На, возьми!» — вдруг закричал мальчик. Он стоял в отдалении от других детей и рыскал глазами в траве. «Дай, дай!» — сразу несколько ребятшек тут же бросились к мальчику и сгрудились вокруг него, напряженно вглядываясь в траву. Мальчик стал отпихивать протянутые к нему руки, обороняя тот участок травы, где сидела его цикада. Лево́й рукой он поднял фонарик над головой и снова закричал — тем ребятам, которые еще не услышали его: «Цикада, цикада! Кому дать?»

Подбежало еще несколько ребятшек. У них даже цикады не было.

«Цикада, цикада! Кому дать?»

Детей стало еще больше.

«Дай мне! Дай мне!» — закричала девочка, приблизившаяся к счастливцу со спины. Мальчишка слегка повернул голову в ее сторону, переложил фонарь в левую руку и с готовностью полез правой в траву.

«Вот!»

«Ну дай, дай, пожалуйста!»

Тут мальчик поднялся во весь рост и с победоносным видом протянул сжатый кулак. Девочка накинула веревку от фонаря на левое запястье и обеими ладошками схватила кулак. Мальчик медленно разжал ладонь. Девочка зажала насекомое между большим и указательным пальцами.

«Ух ты!?! Какая же это цикада! Это же настоящий сверчок!» Глаза девочки за сверкали при виде этой коричневой малости.

«Сверчок, сверчок! — с завистью и разом закричали дети. — Настоящий сверчок!»

Девочка бросила быстрый взгляд своих умненьких глазок на своего благодетеля, отцепила с пояса коробочку и положила туда сверчка. «Да, настоящий сверчок,» — про бурчал мальчик. Он осветил лицо девочки своим чудесным цветным фонариком — она с упоением разглядывала сверчка в своей коробочке, которую поднесла к самым глазам.

Мальчик пристально смотрел на девочку. Счастливая улыбка выдала его. Я же, наблюдавший всю сцену от начала до конца, только теперь понял его замысел и подумал о собственной глупости. И тут мне пришлось удивиться еще раз. Вы только посмотрите! Но ни мальчик, ни девочка, ни глазевшие на них ребята ничего не видели. А ведь на груди у девочки бледно-зеленым светом было четко выведено — Фудзио. Фонарь, который поднес мальчик к самой коробочке, находился совсем близко от белого платья девочки, и тень от прорезанных в картоне иероглифов его имени Фудзио четко зеленела на девичьей груди. Фонарь девочки болтался у нее на левом запястье. Красноватое пятно плясало у мальчика на животе, иероглифы подрагивали, но при желании можно было прочесть и имя девочки. Ее звали Киёко. Ни Фудзио, ни Киёко не видели этой зелено-красной игры света. Впрочем, была ли это игра?

Допустим даже, что эти дети навсегда запомнят, что Фудзио подарил Киёко сверчка. Но ни в каком сне Фудзио не увидит зеленые иероглифы своего имени на груди Киёко, а красные иероглифы «Киёко» на своем животе; Киёко же не увидит на своей груди зеленых иероглифов «Фудзио», красных иероглифов своего имени на одежде мальчика...

Заклинаю тебя, мальчик: когда возмужаешь, скажи: «А вот цикада!» и подари Киёко сверчка. И пусть девочка скажет: «Неужели!» И ты, Фудзио, увидишь ее радость, и вы улыбнетесь. И пусть ты снова скажешь: «А вот сверчок!» и подаришь ей цикаду. И Киёко разочарованно скажет: «Неужели?» и вы снова улыбнетесь.

И еще. Хоть ты, Фудзио, достаточно сообразителен, чтобы копаться в листве поодаль от других, сверчка тебе не найти. Но ты можешь найти себе девочку-цикаду и думать, что она — настоящий сверчок. Но только в конце концов сердце твое заволокут тучи, и в один из дней тебе станет казаться, что даже настоящий сверчок — это всего лишь цикада. Я же с сожалением подумаю, что ты не знаешь о том чудном зеленоватом сиянии твоего фонарика, о том спасительном пятнышке света, затаившемся на груди у Киёко.

Перевод А.Н. Мещерякова

Кукушка

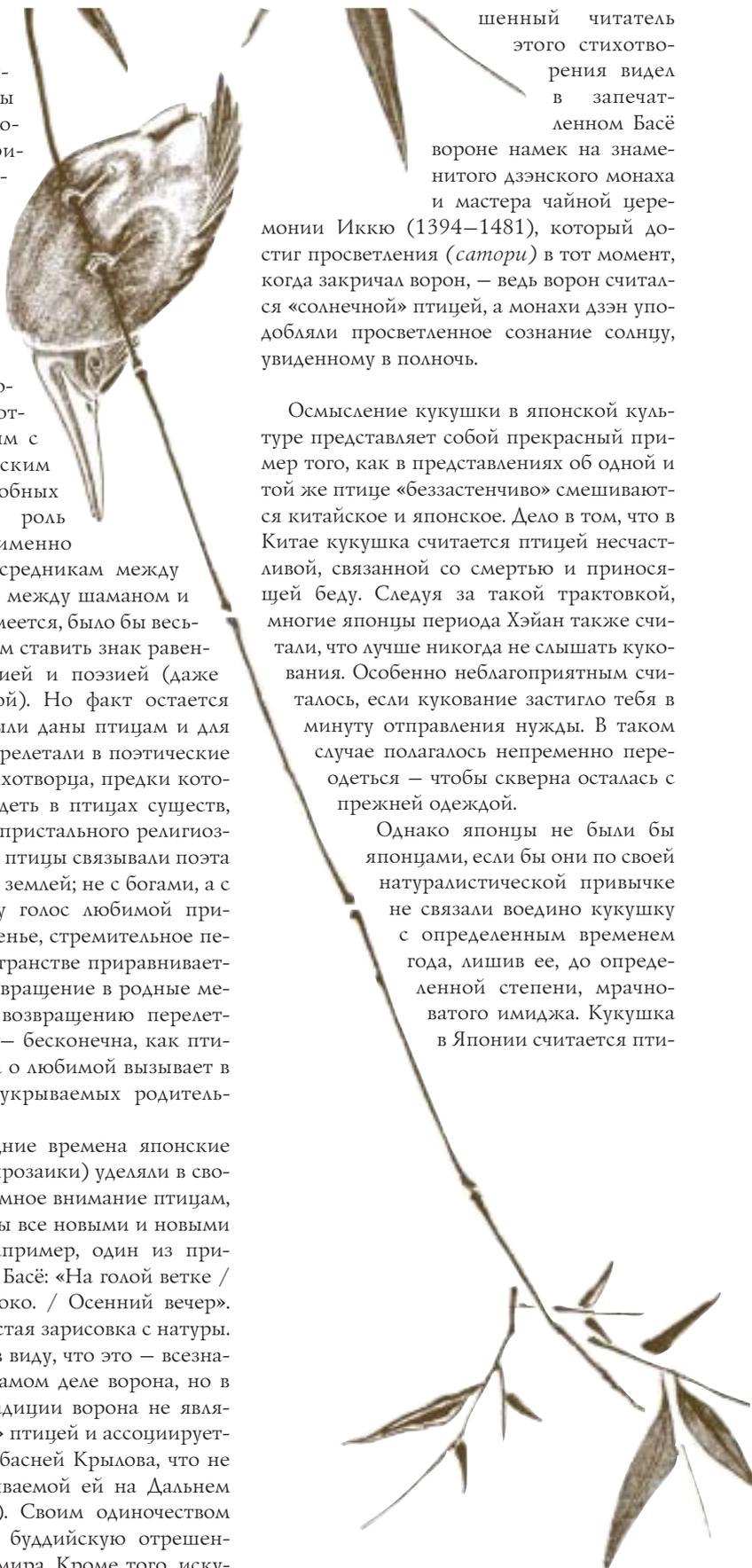
В словаре японской литературы (прежде всего поэзии) птицам принадлежит выдающееся место. В «Манъёсю» упоминается около 80 представителей животного мира. Больше всего среди них птиц — около половины. Синтоизм относится к религиям с развитым шаманским комплексом. В подобных религиях особая роль принадлежит именно птицам — как посредникам между шаманом и небом, между шаманом и иным миром. Разумеется, было бы весьма легкомысленным ставить знак равенства между религией и поэзией (даже весьма архаической). Но факт остается фактом: крылья были даны птицам и для того, чтобы они перелетали в поэтические свитки по воле стихотворца, предки которого привыкли видеть в птицах существ, достойных самого пристального религиозного внимания. Но птицы связывали поэта уже не с небом, а с землей; не с богами, а с людьми. А потому голос любимой приятен, как птичье пение, стремительное перемещение в пространстве приравнивается к их полету. Возвращение в родные места уподобляется возвращению перелетных птиц, любовь — бесконечна, как птичье пение, а забота о любимой вызывает в памяти птенцов, укрываемых родительским крылом.

И в более поздние времена японские поэты (а потом и прозаики) уделяли в своем творчестве огромное внимание птицам, обогащая их образы все новыми и новыми смыслами. Вот, например, один из признанных шедевров Басё: «На голой ветке / Ворон сидит одиноко. / Осенний вечер». Казалось бы — простая зарисовка с натуры. Но следует иметь в виду, что это — всезнающий ворон (на самом деле ворона, но в русскоязычной традиции ворона не является «поэтической» птицей и ассоциируется прежде всего с басней Крылова, что не отменяет приписываемой ей на Дальнем Востоке мудрости). Своим одиночеством он символизирует буддийскую отрешенность от суетного мира. Кроме того, иску-

шенный читатель этого стихотворения видел в запечатленном Басё вороне намек на знаменитого дзэнского монаха и мастера чайной церемонии Иккю (1394–1481), который достиг просветления (*сатори*) в тот момент, когда закричал ворон, — ведь ворон считался «солнечной» птицей, а монахи дзэн уподобляли просветленное сознание солнцу, увиденному в полночь.

Осмысление кукушки в японской культуре представляет собой прекрасный пример того, как в представлениях об одной и той же птице «беззастенчиво» смешиваются китайское и японское. Дело в том, что в Китае кукушка считается птицей несчастливой, связанной со смертью и приносящей беду. Следуя за такой трактовкой, многие японцы периода Хэйан также считали, что лучше никогда не слышать кукувания. Особенно неблагоприятным считалось, если кукование застигло тебя в минуту отправления нужды. В таком случае полагалось непременно переодеться — чтобы скверна осталась с прежней одеждой.

Однако японцы не были бы японцами, если бы они по своей натуралистической привычке не связали воедино кукушку с определенным временем года, лишив ее, до определенной степени, мрачного имиджа. Кукушка в Японии считается пти-

От редакции. Среди птиц, изображенных на стр. 93–95, кукушки нет.

цей, возвещающей приход лета. Лето — это, конечно, не то, что дающая силу всему году весна, но все-таки среди японских поэтов находились и такие, кто по-дружески просил кукушку начать петь еще до наступления лета, склоняя ее тем самым к нарушению устойчивого чередования времен года.

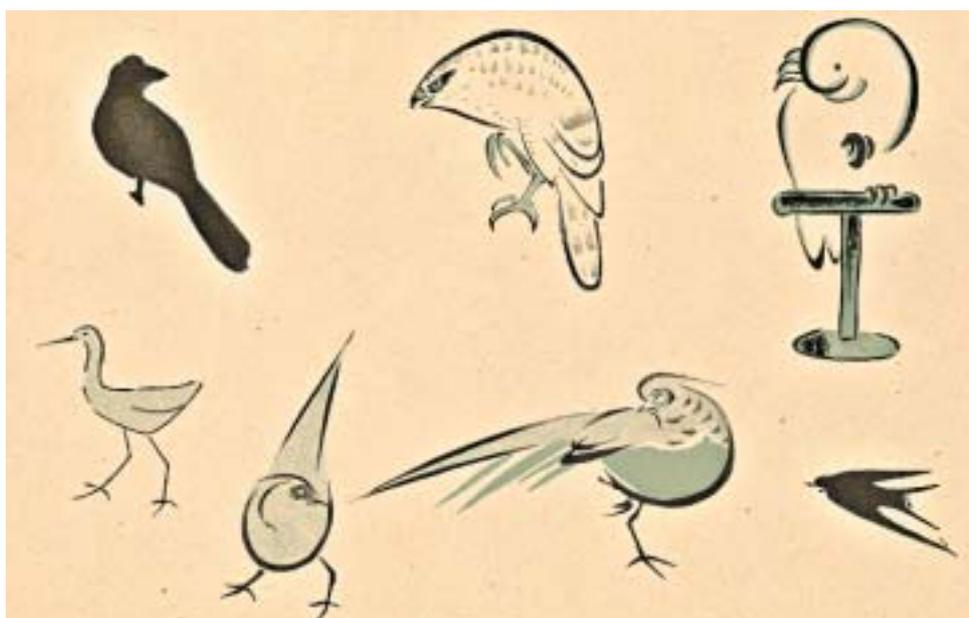
*Слушаю кукушку / И не наслушаюсь. /
Поймать бы сетью / И приручить, / Чтоб
пела здесь всегда.*

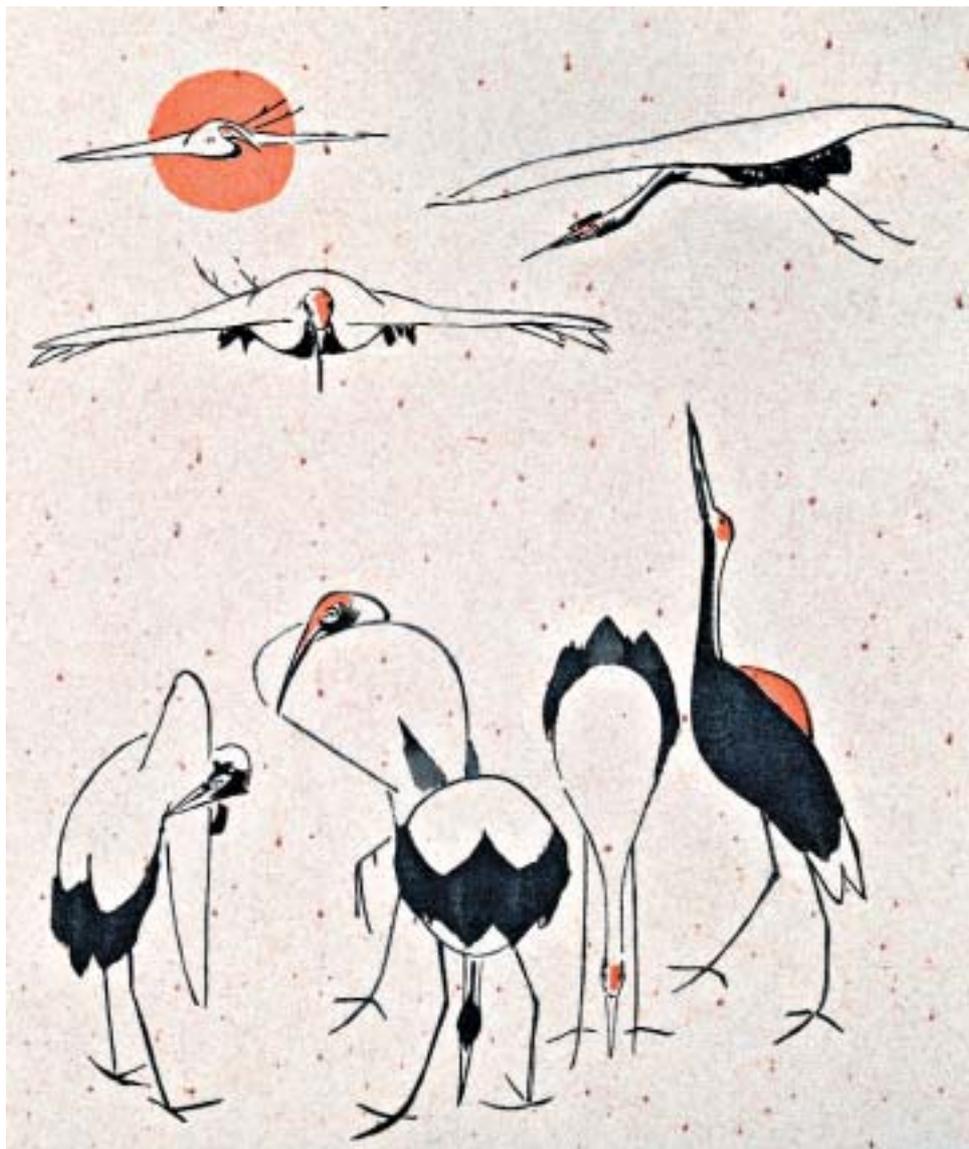
Как и в России, в Японии прекрасно знали, что кукушка не вьет гнезда, то есть не имеет собственного дома. Поэтому ее кукование часто воспринималось как плач и сетование на злую судьбу. Японцы полагали, что пение кукушки — это не что иное, как мольба об обретении супруга или супруги. И когда лирический герой стихотворения проводит в одиночестве летнюю ночь, кукование отождествляется с его любовным томлением. И тогда голос кукушки кажется поэту полным неизбывной печали.

Сама же кукушка была символом неверности. Один из эпизодов «Рассказов из Исэ» («Исэ моногатари», X в.) повествует о кавалере, который узнал, что понравившаяся ему дама несвободна. И тогда он слагает так:

*Кукушка! / Во всех селеньях / Ты по-
ешь. / И сторонюсь тебя, / Хоть сердцу
ты любезна.*

Как уже было сказано, в синтоизме сильны пережитки шаманизма. В шаманизме же птица обычно служит посредником между различными мирами — скажем, между миром живых и миром мертвых. Так что китайское поверье о том, что ку-

кушка является птицей, прилетающей из мира мертвых, попадает на благоприятную почву. Поэзия людей снижает этот образ и, при общем преобладании любовной тематики в японской поэзии, задает кукушке работу посыльного:

*Нет у тебя минуты, / Чтобы прийти. /
Кукушка, полети, / Чтобы сказать, / Как
я тоскую.*

Черепаша

Животные в японской жизни и культуре обладают намного меньшей значимостью, чем в европейской. Их поэтическая символика беднее, чем символика растений и птиц, — поэты редко отваживались воспевать животных в своих стихах. Тем не менее, в прозе животные представлены не так плохо.

Японцы, бывало, употребляли черепаху в пищу. Японские художники довольно часто рисовали ее. Но вовсе не потому, что находили черепаший суп вкусным. Дело в том, что черепаха — один из наиболее значимых для всего Дальнего Востока символов. Еще в доисторические времена в Японии (вслед за Китаем) панцирь черепахи использовался для гадания: на обратной стороне панциря вырезали сетку, состоящую из вертикальных и горизонтальных черт, при нагревании на огне панцирь трескался и по образовавшимся на лицевой стороне трещинам предсказатели судили о будущем.

Для жителя Японии черепаха обладает двумя основными значениями. Во-первых, черепаха живет очень долго и потому является счастливым символом долгожительства и связанной с ним мудрости. В этом смысле черепаха не слишком отличается от того, что о

ней думали в Европе (мудрая в силу своих преклонных лет черепаха Тортилла). Но о второй ипостаси черепахи у нас известно не так широко. Согласно китайскому мифу на панцире черепахи, всплывшей в незапамятные времена на поверхность реки Ло, имелись некие странные знаки, которые и послужили прототипом первых иероглифов. То есть речная черепаха ассоциируется с письменностью и, следовательно, с той же самой мудростью. Поэтому и обнаружение такой черепахи (при этом она должна быть священного в Японии белого цвета) сулит перемены к лучшему.

«Длиной она в семь вершков, шириной — в шесть. Левый глаз у нее белый, правый глаз у нее красный (сочетание белого и красного цветов считалось исключительно благоприятным, ибо белый цвет в такой комбинации обозначал ритуальную чистоту, а красный — жизненную энергию). На шее у нее были изображения трех звезд (оберегающих Полярную звезду — небесное соответствие земного императора), а на панцире у нее было семь звезд (ковша Большой Медведицы — созерцание ковша Большой Медведицы приносит удачу)... Низ живота ее был испещрен красными и белыми точками, которые переплетались в цифру восемь (обозначает множественность, всеохватность, счастливое предзнаменование)».

В другом указе VIII в. сообщалось об обнаруженной в столице черепахе, на панцире которой были начертано семь иероглифов (*небо — владыка — почтенный — мирный — управлять — сто — лет*), которые можно интерпретировать так: «Пусть мирное правление почтенного небесного владыки продлится вечные времена».

Древние хроники Японии довольно часто сообщают о том или ином счастливом знамении (пятицветные облака, обнаружение золота или меди, которые были необходимы для изготовления буддийских статуй и т.д.). Предполагалось, что в правление добродетельного государя всемогущее Небо

посылает знамения для того, чтобы подданные могли убедиться в превосходных качествах их императора. Все такие знамения были ранжированы на «малые», «средние» и «великие». Только обнаружение «великого» знамения предполагало и изменение девиза правления. Несмотря на свой небольшой размер (около 25 сантиметров в длину), именно к таким «великим» знамениям относилась и речная черепаха-альбинос. Однако не слишком «великие» знамения (скажем, два колоса на одном рисовом стебле) оставались без таких радикальных календарных последствий.

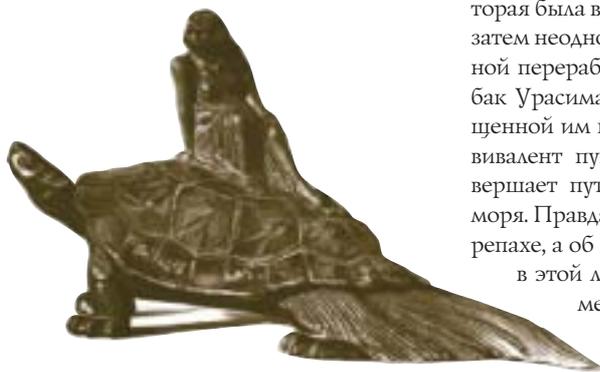
Легко догадаться, что политическая элита часто использовала знамения в своих сиюминутных целях. Своевременное обнаружение счастливого знамения укрепляло положение действующего правителя, а весть о дурном знаке могла способствовать его «добровольному» уходу в отставку. Поэтому-то и интерпретация знамений находилась в монопольном ведении специального учреждения, работники которого обладали уникальным правом «входа» к императору. Контроль над этим учреждением служил предметом раздора наиболее могущественных родов. Самовольное же занятие наукой предсказания в древности категорически запрещалось. Ибо знамение — оно и есть знамение: толковать его можно совершенно по-разному.

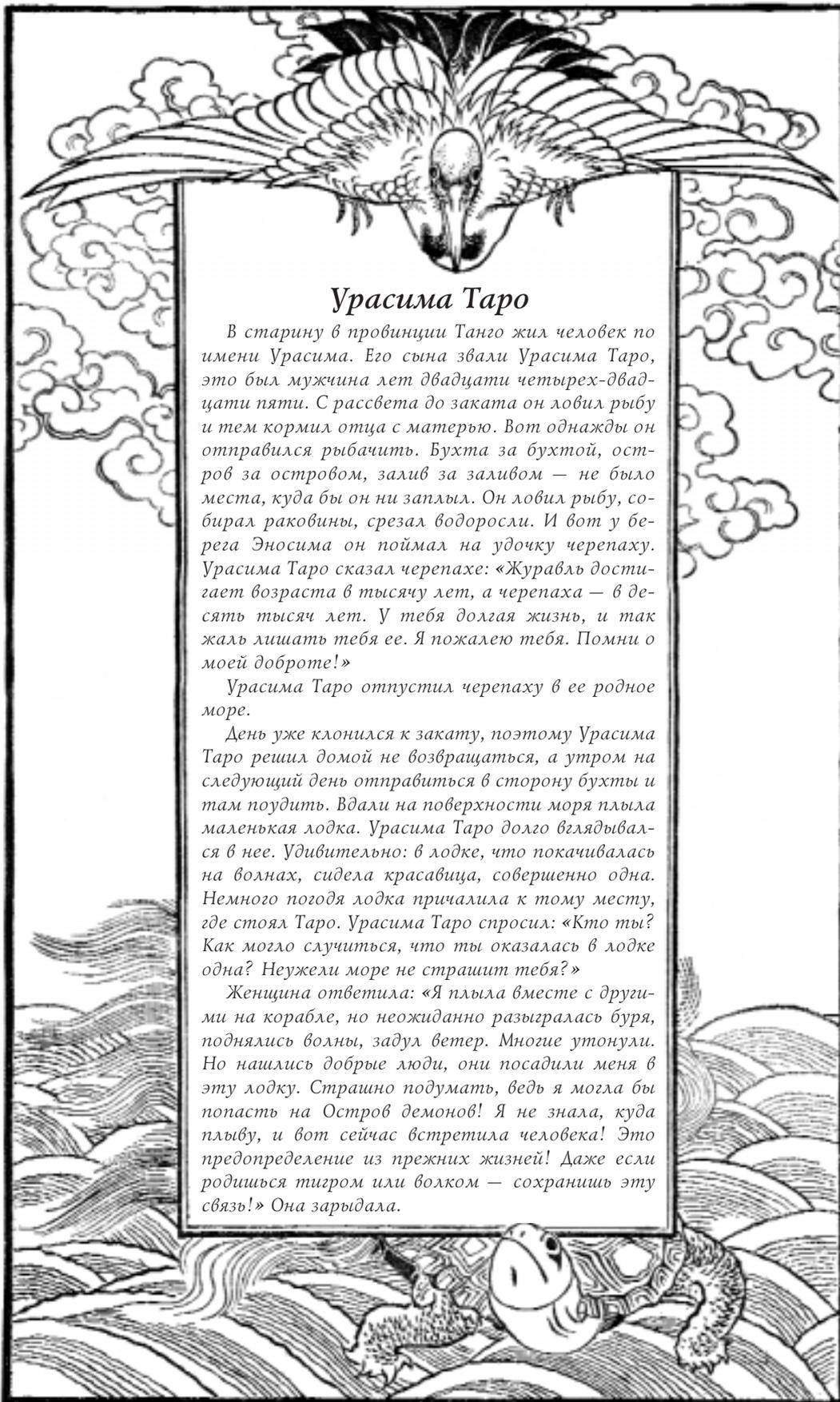
В отличие от других символов долголетия (сосна, журавль) черепаха не считалась животным поэтическим и стихов о ней слагали мало, хотя такие прецеденты все же имеются:

*Пусть же сердце твое
Усталости не повинуясь,
Век счастливый продлит
До предела, что недоступен
Журавлю и черепахе!*

(«Кокинсю», перевод А.А.Долина)

Наибольшую известность черепахе принесла в Японии легенда об Урасима Таро, которая была впервые записана еще в VIII в., но затем неоднократно подвергалась литературной переработке. Согласно этой легенде рыбак Урасима Таро, благодаря помощи отпущенной им на волю черепахи (японский эквивалент пушкинской золотой рыбки), совершает путешествие ко двору повелителя моря. Правда, речь в ней идет не о речной черепахе, а об океанской. Исследователи видят в этой легенде воспоминание о тех временах, когда дальние предки японцев еще не боялись преодолевать морские просторы.

Урасима Таро

В старину в провинции Танго жил человек по имени Урасима. Его сына звали Урасима Таро, это был мужчина лет двадцати четырех-двадцати пяти. С рассвета до заката он ловил рыбу и тем кормил отца с матерью. Вот однажды он отправился рыбачить. Бухта за бухтой, остров за островом, залив за заливом — не было места, куда бы он ни заплыл. Он ловил рыбу, собирал раковины, срезал водоросли. И вот у берега Эносима он поймал на удочку черепаха. Урасима Таро сказал черепахе: «Журавль достигает возраста в тысячу лет, а черепаха — в десять тысяч лет. У тебя долгая жизнь, и так жаль лишать тебя ее. Я пожалею тебя. Помни о моей доброте!»

Урасима Таро отпустил черепаха в ее родное море.

День уже клонился к закату, поэтому Урасима Таро решил домой не возвращаться, а утром на следующий день отправиться в сторону бухты и там поудить. Вдали на поверхности моря плыла маленькая лодка. Урасима Таро долго вглядывался в нее. Удивительно: в лодке, что покачивалась на волнах, сидела красавица, совершенно одна. Немного погодя лодка причалила к тому месту, где стоял Таро. Урасима Таро спросил: «Кто ты? Как могло случиться, что ты оказалась в лодке одна? Неужели море не страшит тебя?»

Женщина ответила: «Я плыла вместе с другими на корабле, но неожиданно разыгралась буря, поднялись волны, задул ветер. Многие утонули. Но нашлись добрые люди, они посадили меня в эту лодку. Страшно подумать, ведь я могла бы попасть на Остров демонов! Я не знала, куда плыву, и вот сейчас встретила человека! Это предопределение из прежних жизней! Даже если родишься тигром или волком — сохранишь эту связь!» Она зарыдала.

Урасима Таро пожалел ее — ведь не каменный же он, не деревянный! Он бросил ей веревку, подтащил лодку к берегу.

Женщина сказала: «Проводи меня, несчастную, в родную сторону. Не оставляя меня здесь, я не знаю, куда идти, что делать. Покинуть меня здесь — все равно, что бросить в море!»

Она горько плакала.

Урасима пожалел ее, они вместе сели в его лодку и на веслах вышли в открытое море. Женщина поведала, что через десять дней плавания они причалят к ее родному берегу. Урасима Таро гадал, что это за земля, куда они плывут. И вот они причалили к серебряной ограде. Урасима увидел дворцы и ворота, крытые золотой черепицей. Даже великопленные жилища небожителей не сравнятся с этими! А дворец, в котором жила женщина, просто невозможно описать словами.

— Если укрывались в тени одного дерева, если черпали воду из потока одной реки — все это связь из прошлых жизней. А ты, провожая, проделал вместе со мной долгую дорогу по волнам. Конечно, это предопределение из прежних существований. А раз так, какие бы горести ни случились, дадим клятву супругов и станем вместе коротать рассветы и закаты, — сказала женщина, и слова ее были от самого сердца.

Урасима Таро ответил: «Что ж, пусть будет так, как ты говоришь».

Они дали друг другу глубокую клятву, что вместе состарятся и будут вместе похоронены. «Так быть вместе навеки, чтоб нам в небесах птиц четой неразлучной летать. Так быть вместе навеки, чтоб нам на земле раздвоенною веткой расти,» — сказали они, произнося глубокую клятву уток-неразлучниц. И так стали вместе коротать рассветы и закаты.

Как-то женщина рассказала: «Это место называется Дворец дракона, здесь можно увидеть травы и деревья сразу четырех времен года. Хочешь посмотреть?»

Они вышли в сад.

Сначала они открыли дверь на восток и посмотрели: они увидели весенний пейзаж. Слива и сакура в полном цвету, ветви плакущей ивы колышутся на весеннем ветру, из легкого тумана, где-то под крышей, раздается голос камышовки. Все ветви деревьев усыпаны цветами.

Когда посмотрели в сторону юга, то увидели летний пейзаж. От весны его отделяла живая изгородь из цветущего кустарника дейции зубчатой. Лотосы в пруду — в росе, в освежающей мелкой ряби у кромки берега резвится множество птиц. Деревья густо покрыты новыми побегами. В воздухе висит стрекот цикад. Когда спускается вечер, в разрывах облаков кукует кукушка, давая понять, что пришло лето.

На западе — осень. Везде на ветвях красные листья, за низкими плетеными изгородями — белые хризантемы, на краю окутанных туманом полей покрытые росой кустарники двуцветной леспедецы. Звук мрачных оленьих голосов дает понять, что это настоящая осень.

И, наконец, если посмотреть на север, то там виден зимний пейзаж. Ветви увяли, первый иней покрыл опавшие листья, горы — в белых нарядах. У входа в долину, занесенную снегом, чуть заметен одинокий дымок печи для обжига угля. Да, таким бывает лишь зимний пейзаж.

Сердце Урасима Таро радовалось тем необыкновенным вещам, что ему довелось увидеть, трепетало при виде цветов. Рассветы сменяли закаты, шли годы и месяцы. Незаметно минуло три года.

Как-то Урасима Таро сказал: «Ты когда-то говорила мне о тридцати днях. Когда я покидал отца с матерью на родине, думал, что ухожу совсем ненадолго, а прошло уже три года. Наверняка отец с матерью беспокоятся обо мне. Хочу поехать навеситить их, успокоить».

«Три года мы были вместе, как утки-неразлучницы, делили ложе, дав клятву вечной любви. Три года прошли как миг, и все же ты говоришь, что твое сердце неспокойно. Если теперь расстанемся, доведется ли свидеться вновь! Говорят, что связь супругов сохраняется на две жизни. Что ж, пусть в этой жизни наша связь была мимолетной, как сон, но в будущей жизни родимся на одном цветке лотоса,» — сказала женщина и горько заплакала.

Потом она продолжила: «Хочу сказать еще: я кое-что от тебя скрыла. Знай, я — черепаха из этого Замка дракона. Ты спас мне жизнь у берега Эносима и сказал, что-

бы я отплатила тебе за добро, вот мы и стали супругами. Вот это, посмотри, мой прощальный подарок тебе, — из левого рукава она вытащила красивую шкатулку. — Никогда не открывай ее!» — сказала она и протянула ему шкатулку.

Говорят: встретившиеся расстаются. Это надо понимать так, что те, кто встретились, обязательно расстанутся. И все же это всегда тяжело.

Женщина прочла:

Ушел год за годом, / Когда коротали мы ночи / С тобою вдвоем. / Теперь расстанемся. Как жаль! / Когда повстречаться придется?

Урасима ответил:

И вот — расстаемся. / Сказать не могу, как печально! / Но клятва, что дали / С тобой мы, она глубока. / Я знаю, мы встретимся вновь!

Обоим было жаль расстаться, но Урасима Таро не мог остаться. Что ж, он взял шкатулку — прощальный подарок — и отправился в родные края. Он никак не мог забыть о черепахе, и всю обратную дорогу, преодолевая долгий путь по волнам, думал о ней. Урасима Таро сочинил:

Поклялся любить я, / И облика женщины той, / Которой поклялся, / Забыть ни на миг не могу. / Что делать? О, горечь разлуки!

И вот Урасима вернулся в родные места. Огляделся. Кругом — равнина, с которой исчезли даже следы человека, живут на ней лишь тигры. Урасима, увидев это, подумал: «Как странно!» Когда он посмотрел по сторонам, увидел хижину из веток. Он подошел.

«Есть здесь кто-нибудь?»

Из хижины вышел старик лет восьмидесяти.

«Кто здесь?»

Урасима спросил:

«Не знаешь ли, где Урасима, что здесь жили?»

В ответ старик сказал так:

«Не знаю, кто ты. Очень странно, что ты спрашиваешь, где Урасима. Говорят, эти Урасима жили здесь лет семьсот назад».

Таро очень удивился, снова подумал: «Как странно!» — и рассказал старику свою историю, все, как было. Старик тоже подумал: «Как странно!» — у него текли слезы, он сказал, указывая пальцем:

«Посмотри, там старый могильный холм и старый надгробный памятник. Говорят, это могила тех самых людей».

Таро, плача и плача, пересек равнину с густой росистой травой, подошел к старому могильному холму и, проливая слезы, сложил:

Ушел ненадолго, / Теперь возвращаюсь домой. / Кругом осмотрелся: / Равнина, где тигры живут. / О, как не грустить мне! Печально!

Урасима Таро сел в тени сосны. Он был крайне изумлен. Тут он вспомнил о шкатулке, прощальном подарке черепахе. Она велела ни за что не открывать шкатулку, но теперь он решил открыть ее.

Потом Урасима превратился в журавля и взлетел в небо. Выходит, годы Урасимы по распоряжению черепахи были заперты в шкатулке. Поэтому-то он и прожил семьсот лет. Когда он открыл шкатулку, из нее тремя ниточками поднялось фиолетовое облако. Урасима увидел это и мгновенно постарел, от его молодости не осталось и следа.

Ему было сказано не открывать шкатулку. Как досадно, что он не послушался!

Ради ночи любви. / Урасиме шкатулку дала, / Но открыл он ее, / Пренебрег он советом моим. / Мои слезы об этом. Как жаль!

Есть такое стихотворение.

Не все живые существа безжалостны, но люди, которые видят добро и не помнят добра, подобны деревьяшкам и камням. Говорят, что сострадательные супруги дают клятву на две жизни. Это, воистину, желанно. Урасима стал журавлем на горе Хорай. Черепаха же под своим панцирем прожила десять тысяч лет.

Когда нужен пример того, что радостно, рассказывают о журавле и черепахе. Людям говорят: будьте сострадательны, ведь сострадательный человек в будущем обретет счастье. Урасима Таро явился милостивым божеством Урасима в Танго, спасает души людей. Черепаха тоже стала в том же самом месте божеством — покровителем супругов. Это пример того, чему радуются!

Перевод М.В. Торопыгиной

Карп

Рыба имела колоссальное значение в обеспечении населения архипелага пищевыми ресурсами. Но вот значимость рыбы в японской культуре — намного меньше того, что можно было бы ожидать. Дело в том, что культура, которую мы называем «японской» — это культура земледельцев, которые считали рыбаков людьми второсортными. Поэтому-то земледельцы и их правители мало интересовались рыбаками, японские писатели тоже почти не писали о них (правда, торговцы рыбой становились предметом изображения и насмешек). Сами же рыбаки плохо владели грамотой и предпочитали передавать свои верования и рассказы устно. Вот так получилось, что морскую рыбу в Японии ели весьма охотно, но общенациональных символов из нее не получилось. Такие символы получались только из пресноводных рыб — карпа, сома.

Карп считался в Японии рыбой особой. Когда обитатели далекого от моря средневекового Киото говорили просто «рыба», они

всегда имели в виду именно пресноводного карпа. И по вкусу, и по связям с обрядами, и по особому отношению к самому императору карп занимал особое положение. Кэнко-хоси писал: «В тот день, когда мы едим суп из карпа, наши волосы не бывают растрепаны. Это очень липкая рыба — ведь из нее делают клей. Карп очень благороден, так как из всех рыб только одного карпа можно разделять в высочайшем присутствии». (Перевод В.Н. Горегляда).

Дело том, что поведение японского императора определялось множеством обычаев и табу. Так, в частности, императору не было разрешено видеть умерщвление живых существ. Но, как мы видим, карп оказался в этом смысле исключением.

Карп считался «королем» среди пресноводных рыб (среди океанских же больше всего ценился морской окунь). До сих пор карп является украшением праздничного и изысканного стола.

Причем зачастую слово «украшение» следует понимать буквально, поскольку в продолговатой тарелке выставляется тушка только что выпотрошенного карпа, который смотрится как совершенно живой. Время от времени этому карпу наливают в рот несколько капель сакэ, отчего он начинает шевелить губами. Чувствительным европейцам такая трапеза кажется малоприятным варварством, однако многие японцы находят это шевеление вполне забавным и приличествующим празднику. Что до блюд, приготовленных из карпа, то их принято подавать в самом конце — перед своим уходом гости должны отведать самое вкусное и самое благопожелательное.

Японцам карп нравился и по фонетической причине. Дело в том, что *кои* — это не только карп, но еще и «любовь». Связь «любви» с «карпом» имеет и легендарные основания. Мифологическо-летописный свод «Нихон сёки» сообщает, что государь Кэйко (71–130) решил взять в жены девушку по имени Отохимэ и отправился к ней домой. «А Отохимэ, прослышав о государевом выезде, спряталась в бамбуковых зарослях. Тогда государь, желая, чтобы она

пришла, поселился во дворце Кукури-но Мия. Он пустил плавать в пруду карпа и утром и вечером смотрел на него и забавлялся. Отохимэ решила посмотреть на резвящегося карпа, прокралась потихоньку поближе и стала смотреть на пруд. Государь тут же удержал ее и призвал к себе». (Перевод Л.М. Ермаковой).

То есть получается, что карп выступает в этой легенде как некое приворотное средство.

Как это ни странно на наш русский взгляд, но карп на Дальнем Востоке считается годным не только на жаркое: он олицетворяет собой стойкость и мужество. Поэтому любители татуировок часто изображали его на своем теле (нечто вроде татуировки орла в европейской традиции). Вслед за китайцами японцы верили, что карп умеет очень ловко плавать против течения и даже преодолевать пороги (любимый мотив японской и китайской живописи). Забравшись же к самым истокам горной реки, он превращается там в дракона. Средневековая легенда повествует также о том, что в древние времена, когда императрица Дзингу предприняла поход против Кореи, карп выпрыгнул из вод пролива и указал ей верный путь.

Мужество и хладнокровие, приписываемое карпу, имеет бытовые и легендарные основания. Японцы обратили внимание на то, что, в отличие от других рыб, карп совершенно бесстрастно ожидает своей участи на разделочном столе. Этот стоицизм был настолько почитаем, что именно карп стал символом «праздника мальчиков» (некое подобие об-

ряда инициации), который отмечался 5-го дня 5-й луны (а ныне — просто 5-го мая), когда над домами полагалось поднимать на шестах матерчатые (бумажные) изображения карпов (*коинобори*), которые, будучи полыми, мужественно развевались на ветру к полному удовольствию их изготовителей. Сколько в доме мальчиков, столько должно быть и коинобори. И чем выше реет карп, тем более высокого положения достигнет в будущем мальчик. Для достижения успехов в жизни мальчик должен был предварительно пролезть сквозь матерчатого карпа насквозь. Самурайские традиции средневековья живы и сейчас: в день праздника мальчишкам полагается дарить куклу — самурая в полном воинском облачении.

Кроме того, следует помнить, что праздник мальчиков — это праздник будущих мужчин, то есть он связан и со способностью к детопроизводству. Учитывая сказанное о связи карпа с любовными похождениями Кэйко, можно сделать такой вывод: карп и его изображение в виде коинобори являются и фаллическими символами тоже. Это подтверждается и другим, еще более древним обычаем: 5-го дня 5-й луны полагалось вырывать с корнями ирисы — чтобы потом хвастаться, у кого этот ирис длиннее. Интересно, что первоначально в Китае 5-й день 5-й луны считался чуть ли не самым опасным и несчастным во всем году и ему сопутствовали различные ритуалы оберегающей и прогоняющей злых духов магии (например, сожжение кукол, сверченных из полыни). Однако со временем этот день превратился в настоя-

ший праздник ожидания будущих успехов. Теперь этот день объявлен в Японии общенациональным праздником — днем всех детей, а не только мальчишек. Вот такая получилась политкорректность на японский манер.

В настоящее время почти в каждом прихрамовом пруду можно увидеть резвящихся

там разноцветных карпов (белых, красных, синих). Первоначально это было связано с буддийским ритуалом отпущения на волю живых существ. Рядом с прудом обычно можно купить и корм, чем непременно пользуются посетители храмов. Так что японские карпы не только очень красивы, но и отменно упитанны.

В оформлении материала использованы иллюстрации из старопечатных книг эпохи Эдо из собрания Российской государственной библиотеки и из книги «Artistic Japan: Illustrations and Essays». Collected by S. Bing. – London, 1890.